

ПАВЕЛ ЛИМОНОВ

**ВЫ НЕ ЗАБРАЛИ
СВОЮ ДОЧЬ**

Павел Лимонов

Вы не забрали свою дочь

«Автор»

2026

Лимонов П.

Вы не забрали свою дочь / П. Лимонов — «Автор», 2026

Инна Корнеева привыкла доверять мужу и защищать дочь. Однажды она уже солгала ради семьи: подтвердила, что Кира была дома в ночь пожара, в котором погиб человек. Почти год спустя звонок из школы связывает ее жизнь с незнакомой десятилетней девочкой. Мать ребенка под стражей. Близкие Инны требуют не вмешиваться, но чем настойчивее они убеждают ее оставить прошлое в покое, тем меньше сходятся их объяснения. Инне предстоит выяснить не только то, что скрывает муж, но и то, от чего она сама предпочитала отворачиваться. Исправить ложные показания — значит поставить под удар собственную дочь. Продолжить молчать — позволить чужому ребенку расплачиваться за их семейное благополучие.

© Лимонов П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужой номер	5
Глава 2. Не мать	11
Глава 3. Ночь, которой не было	16
Глава 4. За второй дверью	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Павел Лимонов

Вы не забрали свою дочь

Глава 1. Чужой номер

— Вы не забрали свою дочь.

Я посмотрела на Киру. Она сидела напротив, вынимала из булочки изюм и складывала его на блюдце. Двадцать шесть лет, собственный магазин, кредит за машину — и все равно эта детская привычка, с которой я давно перестала бороться.

— Моя дочь со мной, — сказала я.

В прошлогоднем ноябре я уже отвечала почти так же незнакомому человеку. Тогда сказала: «Дочь была дома». И тогда ее дома не было. Сейчас Кира сидела передо мной, я видела ее руки и нетронутую половину булочки. Впервые за много месяцев мне не требовалось ничего придумывать.

Женщина в телефоне помолчала. За ее спиной что-то скрипнуло, затем раздался далекий звонок, не похожий на дверной.

— Инна Сергеевна Корнеева?

— Да.

Кира подняла глаза. Я прикрыла ладонью микрофон и показала ей: секунду.

— Школа номер восемьдесят три. Алиса до сих пор здесь. Продленная группа закончила работу двадцать минут назад. Мы не можем связаться с отцом.

Часы над плитой показывали шестнадцать сорок две. Я уже успела отработать половину дня, а Кира — отвезти две коробки на склад и поссориться с поставщиком. Мы пили чай вместо пропущенного обеда. Она заехала «на пятнадцать минут» и задержалась почти на два часа. До звонка мне это нравилось.

— У меня нет дочери Алисы.

Я произнесла это отчетливо, как иногда произносила пациентам слова, по которым мы проверяли настройку слухового аппарата. Не громче. Просто разделяя звуки.

— Пожалуйста, посмотрите номер еще раз.

— Номер у меня перед глазами. Он внесен в карту ребенка.

— Значит, в карте ошибка.

Женщина снова замолчала. На этот раз я услышала, как зашуршали бумаги.

— Простите, одну минуту.

Я включила громкую связь и положила телефон на стол.

— Чего они хотят? — тихо спросила Кира.

Я пожала плечами. Обычно сомнительные звонки заканчивались просьбой назвать код. Я ждала кода, ссылки, слов о безопасном счете. Пока ничего такого не было.

В трубке появился другой голос, ниже и спокойнее.

— Меня зовут Анна Витальевна Лукина. Я социальный педагог. Скажите, вы знакомы с Алисой Сухановой?

— Нет.

— Хорошо. Тогда не будем ничего предполагать. Ваш номер указан резервным контактом. Возможно, ошиблись при заполнении. Я сейчас сверю сведения.

— А почему ваша сотрудница сказала, что это моя дочь?

— Разберемся. Ребенок с нами, ей ничего не угрожает. Никакие коды и персональные данные по телефону нам не нужны. Если вас беспокоит сам звонок, перезвоните в приемную по номеру на сайте школы. Попросите соединить с Лукиной.

Она назвала адрес. Я знала эту улицу: двадцать минут на машине, старый район за трамвайным депо. В нем мы никогда не жили. Кира училась на другом конце города.

— Откуда у вас мои имя и отчество?

— Из того же листа. Давайте сначала проверим его.

Разговор закончился без просьб и угроз. На экране остался обычный городской номер. Кира повернула телефон к себе.

— Дай посмотрю.

— Это может быть обычная ошибка.

— Поэтому и посмотрим.

Она набрала название школы в поиске, открыла официальный сайт и сравнила цифры. Номер отличался последней парой.

— Внутренняя линия, наверное. Звони в приемную сама.

Я послушалась. Кира тем временем подвинула ко мне чашку. Чай остыл, на поверхности плавал маленький кусочек лимонной мякоти. Я помнила, как минуту назад обсуждала, покупать ли еще одну лампу в кабинет. Теперь эта лампа казалась предметом из утра, до которого нельзя дотянуться.

В приемной ответили не сразу. Женщина переспросила фамилию Лукиной, попросила подождать. Послышались шаги, потом тот же низкий голос:

— Да, Инна Сергеевна. Спасибо, что перезвонили. Похоже, в строке родства действительно неправильное обозначение. Вы не записаны матерью в свидетельстве о рождении. Речь о контактном листе.

Мне стало легче настолько быстро, что я почти рассердилась.

— Вот видите.

— Но остальные сведения совпадают. И отец оставил ваше имя как человека, с которым можно связаться в непредвиденной ситуации.

— Как зовут отца?

Лукина сделала паузу.

— Я не хотела бы обсуждать документы ребенка с человеком, которого еще не установила лично. Скажите, у вас есть возможность подъехать? Не для того, чтобы забрать Алису. Нам нужно разобраться в контакте. Если нет, я передам информацию сотрудникам, которые смогут ее проверить.

— Я вам уже сказала, что ребенка не знаю.

— Я слышала. Возможно, ваши данные использовали без вашего согласия. Именно поэтому не прошу вас ничего подтверждать на словах.

Кира коснулась моего запястья.

— Поедем, — сказала она почти беззвучно.

Я прикрыла микрофон.

— Зачем? Пусть сами исправляют.

— Потому что это твое имя и твой телефон.

В тот момент я не подумала, что дочь могла сказать то же самое про десяток рекламных баз. Ее лицо стало серьезным, и я ухватила за эту серьезность, как за уже принятое кем-то решение.

Я сказала Лукиной, что приеду. Она попросила взять паспорт и предупредила, что они продолжают связываться с родителями и другими родственниками. Я записала номер кабинета на обороте чека из продуктового магазина. Кира встала, поставила чашки в раковину и накрыла булочки тарелкой.

— Не надо, — сказала я. — Потом уберу.

— Я и так стою.

Обычная фраза. После я вспоминала ее чаще, чем сам звонок.

В прихожей я сняла с крючка темно-синее пальто. Олег подарил его на мой день рождения два года назад. Он не любил ходить по магазинам, но тогда настоял, чтобы я примерила три модели, и терпеливо сидел у зеркала с пакетами. На телефоне у него все время вспыхивал экран. Я решила, что это работа. Он действительно работал много.

— Папе позвонишь? — спросила Кира.

— Зачем ему это сейчас?

— Просто спросить, не знает ли он.

— Ребенка из чужой школы?

Она пожала плечами.

— Он здесь половину города знает.

Я набрала Олега уже в лифте. Вызов не прошел, появилась короткая надпись о недоступном абоненте. Три дня назад он уехал в область — принимать объект, на котором задержали поставку. По крайней мере, так он сказал. Утром прислал фотографию мокрого двора и сообщение: «У вас дождь? Здесь льет». Я ответила фотографией нашего окна.

— Связи нет, — сказала я.

Кира ничего не ответила.

Мы поехали на ее машине. Она включила обогрев, но стекла все равно запотевали. Я протирала боковое стекло рукавом, пока дочь не протянула мне салфетку.

— Мама, не накручивай. Сейчас придем, покажешь паспорт, они найдут, где перепутали цифру.

— Цифру, имя и фамилию сразу?

— Ну, листы могли перепутать.

Мне хотелось принять эту версию. Я стала перебирать людей, которым давала свой номер: пациенты, родители школьной подруги Киры, соседка с восьмого этажа, мужчина из ремонтной службы. В моей работе иногда просили разрешения указать меня для обратной связи — пожилые люди не всегда слышали звонки. Но никто не называл меня матерью десятилетней девочки.

— Может, кто-то из твоих? — спросила я.

— В смысле?

— Знакомых. У тебя же есть клиенты с детьми.

— Я продаю постельное белье, а не занимаюсь их школьными анкетами.

Она сказала резче, чем собиралась. Потом выдохнула:

— Извини. Нет, я не знаю никакой Алисы Сухановой.

На светофоре дочь убрала с пассажирского сиденья пакет с образцами ткани. Из него выглядывал серый пододеяльник с белыми точками. Поставщик прислал не тот оттенок, и все время за столом она жаловалась, что покупатели заметят разницу. Теперь она задвинула пакет ногой под сиденье, словно он мешал чему-то важному.

Школа оказалась трехэтажной, желтой, с новым входным тамбуром и старой мозаикой над крыльцом. На асфальте лежали мокрые кленовые листья. Из дверей вышли две женщины с мальчиком в оранжевой шапке. Он держал в руках поделку из картона и очень старался не намочить ее. Одна из женщин прикрывала поделку своей сумкой, другая торопила их к машине.

Ничего страшного здесь не происходило. От этого мне стало еще труднее выйти.

— Пойдем, — сказала Кира.

Охранник спросил фамилию и позвонил наверх. Мы остались у турникета. На стене висела доска с фотографиями школьных мероприятий: дети в костюмах, грамоты, осенние букеты. Я не могла прочитать ни одной подписи, хотя стояла совсем близко.

Лукина спустилась сама. Невысокая, седые волосы собраны на затылке, на рукаве зеленого жакета белая нитка. Она не выглядела человеком, которому хочется разгадать семейную тайну.

— Инна Сергеевна? Пройдемте. А вы?

— Ее дочь, — сказала Кира.

Лукина кивнула, но попросила меня показать паспорт отдельно. Сверила фотографию, фамилию, вернула документ. Копировать ничего не стала.

— Сразу скажу: девочку вам никто не передает. Мы выясняем, почему оказался ваш контакт, и ждем ответственного сотрудника. Отец не отвечает, до бабушки пока не дозвонились.

— Я и не собиралась никого забирать.

— Понимаю.

У нее было спокойное профессиональное «понимаю», в котором не обещали понимания того, что я чувствую. Мне это понравилось.

Мы поднялись на второй этаж. В коридоре пахло влажной одеждой и чем-то сладким, оставшимся после полдника. Вдалеке женщина складывала стулья. За матовым стеклом кабинета двигалась маленькая тень.

Лукина остановилась у двери.

— Я сначала поговорю с вами без Алисы. Ей не нужно слышать предположения взрослых.

В соседней комнате стоял стол, два кресла и шкаф с папками. На подоконнике лежали бумажные листья, вырезанные из цветной бумаги. Кира села ближе к двери. Я осталась стоять.

Лукина положила передо мной лист.

Мои фамилия, имя, отчество. Мой номер. Наш адрес с номером квартиры. Строкой ниже, в графе «отношение к ребенку», было написано: «мать».

Почерк я узнала прежде, чем поняла, что узнала.

Олег соединял заглавную «К» с последующей буквой длинным нижним штрихом. В домашнем блокноте, на поздравительных открытках, в записках «купи хлеб» он писал точно так же.

— Кто это заполнял? — спросила я.

— Отец при переводе. Алиса учится у нас с сентября. Есть сведения о матери, они другие. Поэтому я и сказала, что ошибка касается этого листа, а не свидетельства.

Я смотрела на адрес. Олег написал его полностью, включая корпус, который обычно забывали курьеры.

— Это не моя подпись.

Внизу стоял росчерк, похожий на мой только при быстром взгляде. Слишком аккуратная петля. Я подписывала бумаги короче, особенно если торопилась.

— Зафиксируем ваше объяснение, — сказала Лукина. — Копия паспорта тоже приложена. Она не подтверждает полномочия на получение ребенка. Но понятно, почему сотрудница стала звонить вам.

— Покажите.

Это была копия, которую мы делали для страховки четыре года назад. Я помнила пятно возле края: в принтере тогда заканчивался картридж, и Олег ругался, что проще сходить в копировальный центр. Он положил несколько листов в домашнюю папку с документами.

Кира наклонилась к столу.

— Мам?

Я не ответила.

За дверью что-то тихо стукнуло. Лукина подняла голову.

— Сейчас, Алиса. Я подойду.

— Я только спросить.

Голос был тонкий, немного сердитый. Не испуганный голос ребенка, которого похитили. Голос человека, которому слишком долго не объясняли, почему приходится ждать.

Лукина открыла дверь ровно настолько, чтобы выйти. В щели я увидела желтый рукав и темно-зеленый рюкзак на полу.

— Воды хочешь?

— Нет. Она уже приехала?

— Мы разговариваем.

— Мне можно поздороваться?

Лукина посмотрела на меня. Я не знала, что должна ответить. Девочка сама сделала полшага вперед и оказалась в дверном проеме.

Русая коса, серый школьный сарафан, носки разной высоты. На правой руке маленькая царапина, свежая, как бывает от края картона. Одной рукой она держала бумажный дом с неровной крышей. Желтая куртка была расстегнута, хотя в коридоре было тепло.

Она посмотрела сначала на Киру, потом на меня.

— Здравствуйте, Инна Сергеевна.

Я услышала, как дочь перестала двигать ногой.

— Здравствуй.

Девочка нахмурилась. Видимо, я ответила не так, как ожидалось.

— Папа опять не успел?

Слово «папа» ударило не сразу. Сначала я заметила ее брови. Одну она подняла чуть выше другой, и это было до странности знакомо. Так Олег смотрел на слишком длинную ресторанную очередь. Так Кира смотрела на меня, когда я напоминала ей надеть шарф.

— Алиса, мы еще выясняем, — сказала Лукина.

— Но она же знает.

Девочка не спрашивала. Она сообщала взрослым то, что, по ее мнению, давно было известно всем.

— Что я знаю? — спросила я.

Лукина слегка повернулась ко мне, словно собиралась остановить вопрос. Не успела.

— Что я к вам, если он задержится. Он сказал, вы знаете.

Кира встала. Кресло скрипнуло, и Алиса посмотрела на нее с неожиданным облегчением.

— А вы Кира?

Дочь кивнула не сразу.

— Да.

— У вас сегодня не склад?

В комнате стало так тихо, что я услышала, как в соседнем кабинете закрыли колпачок фломастера.

— Откуда ты знаешь про склад? — спросила Кира.

— Папа говорил. У вас там серое не пришло.

Не тот оттенок. Серое пришло, но не то. Утром Кира рассказывала это Олегу по телефону, прежде чем заехать ко мне. Он даже прислал ей контакт другого поставщика.

Я опустила в кресло. Не потому, что закружилась голова. Мне просто нужно было перестать стоять над ребенком, который произносил невозможные вещи самым обычным тоном.

Лукина попросила Алису подождать с коллегой. Девочка послушалась, но на пороге обернулась:

— Дом не трогайте, пожалуйста. У него крыша еще не высохла.

Она оставила поделку на краю стола и ушла.

Лукина закрыла дверь.

— Я покажу вам сведения об отце, поскольку ваши данные использованы им, а вы, возможно, можете помочь установить его местонахождение. Дальше будем разбираться с сотрудниками. Пожалуйста, не обсуждайте это при ребенке.

Она развернула другой документ. Не загадочный, не чужой, не похожий на реквизит. Обычная копия свидетельства, с ровными строками и печатью.

Я прочитала имя матери: Елена Андреевна Суханова.

Потом строку ниже.

Отец: Корнеев Олег Викторович.

Мой муж.

Я проверила дату его рождения. Она совпала.

Внизу на столе медленно расползлась капля клея, выступившая из-под крышки бумажного дома. Я смотрела на нее, пока не поняла, что Кира держит меня за руку.

Глава 2. Не мать

— Здесь может быть другой человек, — сказала Кира.

Я все еще смотрела на дату рождения.

— Нет.

— Но имя...

— Я знаю, когда родился мой муж.

Я сказала это слишком резко. Лукина отвела глаза, предоставляя нам хотя бы видимость уединения. Кира отпустила мою руку.

На листе была еще дата рождения Алисы. Я посчитала годы, потом месяцы и сразу же остановилась. Мне не хотелось вспоминать тот год по отпускам, подаркам, болезням. Не хотелось превращать собственную жизнь в календарь чужой беременности.

Олег тогда ремонтировал дачу. Я возила его матери лекарства. Кира поступала в колледж. Мне казалось, у нас и так было достаточно событий.

— Я могу позвонить ему еще раз? — спросила я.

— Разумеется, — ответила Лукина.

Номер был недоступен. Я набрала рабочий. Длинные гудки, потом голос секретаря, которого я не знала. Девушка сказала, что Олег Викторович выехал и она не может сообщить, когда он вернется.

— Я его жена.

— Понимаю. Передать, что вы звонили?

— Передайте, чтобы немедленно перезвонил.

Я положила телефон на стол. Мне стало стыдно за слово «жена». Будто я предъявила пропуск, который перестал действовать.

— А мать? — спросила Кира. — Вы ей звонили?

— Сначала ей. Не отвечает. Отец предупреждал о семейных обстоятельствах, говорил, что некоторое время будет забирать сам. До сегодняшнего дня проблем не возникало. Есть бабушка, она живет в другом городе. Мы продолжаем звонить.

— Каких обстоятельствах?

— Нам сказали, что мать временно не может заниматься ребенком. Без подробностей. Я не буду сейчас делать выводы из этого сообщения.

На стене тикали часы с нарисованными цветами. У меня в кабинете такие часы провисели два месяца, пока одна пациентка не попросила снять: аппарат усиливал их щелчки, и ей казалось, что кто-то стоит за спиной и режет ножницами бумагу. Я тогда купила бесшумные. Здесь мне хотелось сделать то же самое.

— А она вообще знает? — спросила я.

— Кто?

— Ее мать. Про меня.

Лукина сложила руки на столе.

— Инна Сергеевна, я не могу этого знать. Сейчас нам нужно обеспечить ребенку безопасность и установить, кто из близких может о ней позаботиться. Все остальное важно, но не здесь и не при Алисе.

Я кивнула. Ее слова были разумными, и от этой разумности хотелось заплакать. Мне сообщили, что десять лет я жила рядом с другой жизнью, а теперь требовалось спокойно определить очередность действий.

В дверь постучали. Коллега Лукиной принесла кружку воды и сказала, что бабушка ответила. Анна Витальевна извинилась и вышла.

Мы остались вдвоем. Кира стояла у окна, вжав пальцы в подоконник.

— Ты знала? — спросила я.

Она резко обернулась.

— Нет.

— Не про девочку. Про женщину.

— Мама...

— Не надо сейчас выбирать, как мне будет легче.

Она посмотрела на дверь.

— Я видела сообщение. Давно. Он оставил телефон в машине, экран загорелся. Там было: «Алиса спрашивает, когда ты». Я спросила. Он сказал, у сотрудницы ребенок, он обещал помочь с компьютером.

— И ты поверила?

— Я не знаю, во что поверила. Я не стала читать его телефон.

Мне захотелось сказать, что надо было. Не потому, что я всегда считала нормальным читать чужие сообщения. Потому, что теперь любое действие, которое могло остановить меня до этого кабинета, представлялось правильным.

— Когда это было?

— Весной.

Весной у меня умерла тетя. Олег забирал меня с вокзала, держал за плечи, пока я искала ключи, и говорил, что не нужно быть сильной каждую минуту. Я помнила его теплую ладонь на своей шее. Никаких особенных слов. То, из чего и складывается доверие.

— Он сказал, что ты сейчас и так... — Кира замолчала.

— Что я сейчас и так что?

— Что тебе тяжело. И не надо приносить домой любую рабочую мелочь.

Я посмотрела на бумажный дом Алисы. У него было два окна спереди и одно сбоку. Крыша была нарисована красным фломастером, но часть штрихов выходила за сгиб. На крыльце девочка приклеила крошечную скамейку.

— Рабочую мелочь, — повторила я.

Кира села рядом.

— Я виновата, что не сказала.

— Я пока не знаю, кто в чем виноват.

Это было неправдой. В тот момент я уже распределяла вину. На Олега — за все. На Киру — за весну. На незнакомую Елену — за то, что ее имя существовало. На себя — за то, что не заметила. И меньше всего я хотела вспоминать ту часть собственной вины, которая не имела отношения к измене.

Лукина вернулась с телефоном в руке.

— Бабушка сейчас на обследовании, не могла ответить. Она связалась с нами и пытается организовать поездку. Ей нужно время. Ответственные сотрудники уже едут. Вы можете остаться, если хотите, но это не обязанность.

— Я останусь, — сказала я.

Кира посмотрела на меня. Я не объяснила ей почему. Сама не знала. Возможно, боялась уйти и обнаружить, что все это исчезло без доказательств. Возможно, не могла оставить девочку, которая считала, что я уже давно согласилась на ее существование.

— Можно мне поговорить с ней? — спросила я.

— О чем?

Вопрос прозвучал без подозрения, но заставил меня остановиться.

— Не об отце. Просто... Я не знаю.

— Тогда лучше сначала посидеть вместе. Не нужно обещать то, чего вы пока не можете выполнить.

Мы перешли в соседний кабинет. Алиса сидела за низким столом и разглаживала ладонью полоску бумаги. Рядом стояла чашка с чаем, в котором плавал пакетик. На блюде лежало печенье, надкушенное с одного края.

— Вы мой дом принесли? — спросила она.

Я вернулась за поделкой и поставила перед ней.

— Крыша вроде держится.

Алиса осторожно потрогала угол.

— Здесь нужно было больше клея. Но если много, бумага размокнет.

— Ты давно его делаешь?

— Со вчера. Нам сказали изобразить место, где хорошо.

Я посмотрела на крошечную скамейку и почувствовала, как что-то сжалось у меня под ребрами. Не потому, что дом был печальным. Он был обычным. Девочка вчера делала обычную школьную работу, уверенная, что знает, где ей хорошо.

Кира села на край другого стула.

— Красивый.

— Он кривой.

— Немного. Настоящие тоже бывают кривые.

Алиса задумалась, потом кивнула, будто это требовало проверки.

— У нас балкон плохо закрывается. Папа обещал починить.

Я уставилась на чашку. У нас плохо закрывалась дверца шкафа под раковиной. Олег обещал починить ее с августа.

— Ты хочешь еще чая? — спросила я.

— Нет. А у вас дома есть тот сахар?

— Какой?

— Коричневый. В банке с трещиной. Папа сказал, вы ее не выбрасываете, потому что от бабушки.

Сахарница стояла на верхней полке, за чайником. Белая, с двумя синими полосками. Трещина шла от края к ручке, и я действительно не выбрасывала ее после смерти матери. Олег называл ее аварийной емкостью и смеялся, что однажды сахар будет по всей кухне.

— Он тебе показывал? — спросила я.

Лукина чуть повернула голову. Я услышала собственный голос: слишком быстрый, почти требовательный.

— На телефоне, — ответила Алиса. — Когда вы делали пирог. Он снимал, как тесто убежало.

Я вспомнила это видео. В июне тесто для пирога поднялось так сильно, что пришлось отмывать край миски. Олег снимал, а я отмахивалась от него полотенцем. В кадре была кухня, сахарница, мои руки. Я сама сказала: «Покажи Кире, пусть знает, что бывает, когда ставишь дрожжи на глаз».

Он показал.

Не только Кире.

— А почему вы не едите изюм? — спросила Алиса у дочери.

Кира подняла брови.

— Не люблю.

— Папа говорил, вы с детства его выбирали. Он вас Кнопкой называл.

Дочь посмотрела на меня. Это прозвище Олег придумал, когда Кира в три года добралась до пульта и сбила все настройки телевизора. После школы она запретила так ее называть при людях. Я думала, это осталось внутри нашей семьи, вместе с неудачными фотографиями и историями, которые больше никому не интересны.

Оказалось, интересны.

— Он много вам рассказывал, — сказала Кира.

— Ага. Про вас тоже. Что вы сами магазин придумали.

Девочка улыбнулась ей. Кира не смогла улыбнуться в ответ, только кивнула.

Я поняла, что Алиса знает нас не как врагов. В ее мире мы существовали рядом, пусть и в разных квартирах. Олег не просто скрывал одну семью от другой. Одной семье он выдавал разрешение за другую.

— А мама твоя знает, что мы здесь? — спросила я и сразу пожалела.

Алиса опустила глаза.

— Мама в больнице.

— Мы уточняем, — мягко сказала Лукина. — Сейчас взрослые разберутся, с кем можно связаться.

— Папа сказал, ей нельзя телефон. У нее голова болит.

Она произнесла это с выученной осторожностью, как запрет, который нельзя нарушать, даже когда очень хочется. Я не стала спрашивать дальше.

За дверью послышались голоса. Лукина вышла, а потом пригласила меня обратно в первый кабинет. Там стоял мужчина в куртке с мокрыми плечами. Он представился Павлом Григорьевичем Мироновым, показал удостоверение и попросил рассказать все с начала.

Я рассказала. Не о браке. О звонке, карте, подписи, копии паспорта, попытках связаться с мужем. Когда дошла до девочкиных слов о сахарнице, Миронов остановил меня:

— Это можно отдельно. Сейчас важно: вы давали согласие указывать вас в качестве контакта?

— Нет.

— Ранее были знакомы с ребенком или ее матерью?

— Нет.

— С Олегом Викторовичем проживаете совместно?

— Да. Мы женаты двадцать восемь лет.

Он записал ответ без выражения. Я была благодарна ему за это.

— Когда последний раз разговаривали?

— Вчера вечером. Сегодня переписывались.

— Сообщения сохранены?

Я показала телефон. Миронов попросил не удалять переписку и позже передать ее в установленном порядке. Не забрал аппарат, не стал листать все подряд. Уточнил номер машины Олега, рабочий адрес, куда, по моим сведениям, он уехал.

— Вы можете сказать, что будет с девочкой? — спросила я.

— Сначала установим доступных родственников и положение родителей. Сотрудники, которые занимаются устройством детей, уже подключены. В школе она не останется одна. Вам брать на себя то, на что у вас нет полномочий, не нужно.

— Ее нельзя просто...

Я не закончила. Не знала, какое слово собиралась произнести. «Отдать». «Увезти». «Оставить».

Миронов закрыл блокнот.

— Инна Сергеевна, у нее есть мать. Мы пока не установили, почему мать недоступна. Это не означает, что можно заменить ее любым человеком из контактного листа.

Я кивнула и почувствовала себя виноватой уже за эту поспешность. Я еще не собиралась спасти Алису, а говорила так, будто все остальные собирались причинить ей вред.

Когда мы вышли, Кира сидела рядом с девочкой. Алиса показывала ей, как сгибать бумагу, чтобы получилась скамейка. Кира слушала внимательно, но руки держала под столом.

— Папа вам ответил? — спросила Алиса.

— Пока нет, — сказала я.

— Он иногда забывает зарядить. У него провод сломанный.

У Олега было три зарядных устройства. Одно дома, одно в машине, одно в рабочей сумке. Я знала это, потому что покупала два из них. Но ребенок защищал не факты. Он защищал порядок, в котором отец просто задержался.

— Возможно, — сказала я. — Мы продолжаем звонить.

Анна Витальевна объяснила Алисе, что сегодня ей придется поехать в другое место, где будут взрослые, пока бабушка добирается. Говорила коротко, не обещала «на минутку». Девочка выслушала, потом спросила, можно ли взять дом.

— Конечно.

— А маме скажут?

— Постараются связаться с мамой и обязательно выяснят, как ей передать сведения.

Алиса надела рюкзак. Он оказался тяжелее, чем я ожидала: лямки потянули плечи вниз. Мне хотелось помочь, но она отстранилась, когда я подняла руку.

— Я сама.

— Хорошо.

У двери она повернулась ко мне.

— Вы не знали, да?

Я могла сказать: «Мы просто не поняли друг друга». Могла попросить подождать, пока разберемся. Могла повторить одну из многих фраз, которыми взрослые прикрывают собственный страх.

— Нет, Алиса. Я не знала.

Она смотрела на меня долго. Потом кивнула.

— А он сказал, что знали.

Я не нашла ответа, который не был бы еще одной ложью.

Мы с Кирой вышли из школы уже в темноте. Дождь кончился, но с козырька капало на ступеньки. Дочь достала ключи и уронила их. Я подняла раньше, чем она успела наклониться.

На улице пахло мокрыми листьями и дымом от чьей-то сигареты. Кира резко отступила от мужчины у ворот. Я заметила это, потому что в прошлом ноябре она точно так же отшатнулась от запаха сгоревшей проводки в нашем подъезде.

— Ты поедешь ко мне, — сказала я.

— Мне нужно на склад.

— Нет.

Она забрала ключи из моей руки.

— Не говори со мной так.

— Тогда скажи, почему ты дрожишь.

— Потому что у моего отца еще один ребенок. Разве этого мало?

Этого было достаточно. Но я уже знала, что не только это.

По дороге домой Олег наконец позвонил.

Я смотрела на его имя на экране, пока Кира не остановилась у края дороги.

— Ответь, — сказала она.

Я провела пальцем по экрану.

— Ты была в школе? — спросил Олег.

Не «что случилось». Не «почему столько звонков».

Он знал, куда нас привел его запасной номер.

Глава 3. Ночь, которой не было

— Ты была в школе? — повторил Олег.

Он выдохнул. В трубке шумела дорога или вентиляция. Я не смогла различить.

— Инна, я все объясню. Сейчас нужно решить, где Алиса.

— Этим уже занимаются.

— Кто?

— Школа. Полиция. Люди, которые не бросают ребенка, когда им неудобно отвечать на звонки.

Кира сидела неподвижно, держа обе руки на руле. Я включила громкую связь. Олег услышал щелчок.

— Ты не одна?

— С дочерью.

— С Кирой?

— У меня одна дочь, Олег.

Он помолчал, затем заговорил тише:

— Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь.

— Нет.

— Давай не будем...

— Где ты?

— Мне пришлось уехать. Возникли проблемы.

— У тебя десятилетняя дочь в чужих руках. Какие еще проблемы должны возникнуть, чтобы ты приехал?

— Я не могу сейчас. И она не в чужих руках, я оставил твой номер.

Я закрыла глаза. Именно это он и сказал. Не запнулся, не поправился. Оставил мой номер, как оставляют ключ соседям, когда уезжают поливать чужие цветы.

— Ты подделал мою подпись.

— Это лист для связи, а не нотариальная доверенность. Я не хотел тебя подставить.

— Ты написал «мать».

— Там была стандартная форма. Я заполнял в спешке.

— Моим именем.

— Инна, сейчас не об этом.

Я посмотрела на Киру. У нее побелели костяшки пальцев.

— Нет. Именно об этом. Ты решил за меня, что я знаю о твоём ребенке, согласна принять его и буду исправлять то, что ты сделал.

— Я знал, что ты не оставишь девочку.

Я всегда считала его уверенность во мне любовью. Теперь впервые услышала в ней расчет.

— Где ее мать?

— В сложной ситуации. Я разбираюсь.

— Алисе сказали, что в больнице.

— Для ребенка это лучше, чем...

Он остановился.

— Чем что?

— Не заставляй меня обсуждать это по телефону.

— Тогда приезжай.

— Я сказал, что не могу.

Кира наклонилась к аппарату.

— Пап, что происходит?

На ее голос он отозвался сразу, почти с облегчением:

— Кирюш, ты с мамой? Хорошо. Побудь с ней. Не давай ей сейчас принимать резкие решения.

Дочь медленно откинулась на спинку сиденья.

— Я не для этого здесь.

— Я не это имел в виду.

— А что?

Он не ответил. Я услышала щелчок, будто он закрыл дверь машины.

— Послушайте меня обе. Есть вещи, которые сейчас могут навредить всем. Не нужно пересказывать людям, которые ничего не знают о нашей семье, каждую старую неприятность. Особенно то, что давно закончилось.

Я открыла глаза.

— Что именно закончилось?

— Ты понимаешь.

— Скажи.

— Инна.

Он произнес мое имя тем тоном, которым когда-то просил не спорить при заболевшей матери. В нем была усталость, просьба и легкое предупреждение: неужели я сама не вижу, что сейчас не время.

— Скажи, — повторила я.

— Прошлогодний склад. Кира ни в чем не виновата. Это уже выяснили. Не надо из-за сегодняшнего разговора смешивать все в одну кучу.

Кира резко выключила двигатель. В машине стало тихо.

— Ты зачем это сейчас вспомнил? — спросила она.

— Потому что знаю, как работает обида. Люди начинают искать, чем ударить. Я не хочу, чтобы мама навредила тебе, пытаясь наказать меня.

Я посмотрела на дочь. Она уже не держалась за руль. Руки лежали на коленях, ладонями вверх, словно кто-то потребовал показать, что в них ничего нет.

— Не говори от моего имени, — сказала я.

— Я пытаюсь вас защитить.

— От чего?

— От ошибок.

— Поздно.

Я отключила связь прежде, чем он успел ответить.

Несколько секунд мы сидели молча. Мимо проехал автобус, осветил салон и скрылся. На стекле осталась полоска света от фонаря.

— Он перезвонит, — сказала Кира.

— Пусть.

— Ты не должна была сбрасывать.

— Почему?

— Мы ничего не узнали.

— Мы узнали, чего он боится.

Она повернулась ко мне.

— Мама, не начинай.

Вот так. Та же просьба, только другим голосом.

Я хотела сказать, что не собираюсь начинать. Что мне достаточно сегодняшнего дня. Что я хочу домой, снять пальто, умыться и понять, как муж делил свои годы между двумя кухнями. Но Олег сам принес в разговор ноябрь. Значит, ноябрь не закончился.

В ту ночь Кира позвонила мне в одиннадцать сорок. Я уже легла. Олег был, как обычно, на объекте, и я не ждала его до утра.

— Если кто-то спросит, я была дома, — сказала дочь.

Я села в кровати.

— Что случилось?

— Ничего. Там с коробками путаница. Папа попросил забрать, а теперь какие-то вопросы, кто когда вывозил. Я не хочу объяснять незнакомым людям свой товар. Он сказал, ты поймешь.

У Киры дрожал голос. Я спросила, не попала ли она в аварию. Она сказала, что нет. Спросила, не ранен ли кто-нибудь. Она ответила: «Со мной все нормально». Не то, о чем я спрашивала. Но я выбрала услышать ответ.

Олег перезвонил через десять минут. Сказал, что на складе спор из-за доступа, арендаторы ругаются, Кира забрала свои коробки не по тому пропуску и теперь может оказаться крайней. Мне не нужно ничего подписывать, только подтвердить, что вечером она заезжала домой. Она ведь действительно заезжала днем.

— Это одно и то же, — сказал он.

Это не было одним и тем же.

На следующий день мне позвонили и спросили, находилась ли Кира дома после девяти. Я ответила: да. Уверенно. С раздражением матери, которой надоели чужие подозрения.

О пожаре я узнала вечером из городских новостей. Сначала — что горело складское помещение. Потом — что погиб человек. Олег сказал, что это другой участок, Кира уехала раньше, ее коробки вообще стояли отдельно. Я спросила, нужно ли мне исправить ответ. Он посмотрел на меня так, будто я предложила отдать дочь на растерзание.

— Ты хочешь, чтобы ее таскали из-за того, чего она не делала?

Я не хотела.

Это было все мое оправдание. Короткое, удобное, годившееся на каждый следующий день.

Мы доехали домой молча. В квартире пахло остывшей выпечкой. Кира включила свет на кухне и увидела блюдо с изюмом. Взяла его, высыпала содержимое в мусорное ведро, слишком громко поставила в раковину.

— Я не могу сейчас об этом говорить, — сказала она.

— Мы уже говорим.

— Нет, ты уже решила, что папа во всем виноват, а я что-то скрываю.

— Ты скрываешь?

Она смотрела на меня с такой обидой, что я почти отступила.

Почти.

— Я не поджигала склад, — сказала Кира.

— Я этого не спрашивала.

Она отвернулась. На правом запястье у нее была тонкая неровная полоска, чуть светлее кожи. В прошлом году она сказала, что задела горячую решетку в духовке. Я принесла мазь. Мы обсуждали, какой крем лучше помогает, и ни разу не обсудили, почему ожог был похож на длинный след от узкой металлической ручки.

— Покажи руку.

— Зачем?

— Кира.

— Не надо на меня смотреть так, будто ты следователь.

Я отступила от стола.

— Хорошо. Тогда не заставляй меня гадать.

Она закрыла лицо ладонями и постояла так несколько секунд. Потом сняла куртку.

— Я останусь сегодня. Но я не могу рассказать все за один вечер.

— Значит, есть что рассказывать.

— Да. Есть.

Мне стало холодно. До этого я еще надеялась, что моя настороженность — просто последствие школьного кабинета, где все привычные слова изменили значение.

Я ушла в спальню. На спинке стула висел Олегов свитер. Он снял его перед отъездом, потому что в машине было жарко. Я взяла ткань двумя пальцами и положила в шкаф. Не швырнула, не понюхала. Мне не хотелось проверять, пахнет ли он другой женщиной. Существовала девочка десяти лет. Запах уже ничего не менял.

Внизу шкафа стояли две пластиковые коробки. В феврале у соседей сверху прорвало трубу, вода пошла по стене кабинета, и мы переносили бумаги, чтобы не размокли. Олег выбросил часть папок. Я сохранила несколько, потому что в них были наши старые документы и оплаченные квитанции. Он сказал: «Делай как знаешь, только не тащи всю эту макулатуру обратно».

Я открыла верхнюю коробку. Страховки, старые договоры, инструкции к технике. Папка с детскими медицинскими справками Киры. Наше поручительство по кредиту «Контур», которое мы вместе обсуждали семь лет назад. Я помнила сумму, срок, условия. Это был не документ, который подсунули мне между счетами за электричество. Я подписала его сознательно, потому что тогда верила расчетам Олега.

Ниже лежал серый конверт с газетной вырезкой. Я не знала, зачем сохранила ее. Может быть, именно потому, что собиралась выбросить.

На фотографии был обгоревший проем склада. Рядом двое мужчин в рабочих куртках. Под снимком имя погибшего: Аркадий Павлович Носов, пятьдесят восемь лет.

Не «сторож». Человек с именем, отчеством и возрастом.

В статье говорилось, что у него остались жена и взрослый сын. Я читала это и раньше. Я даже сказала Олегу: «Бедная женщина». Потом закрыла страницу и пошла готовить ужин.

Кира появилась в дверях.

— Ты что делаешь?

— Смотрю, что сохранилось после воды.

Она увидела вырезку и остановилась.

— Зачем ты это оставила?

— Не знаю.

— Мама...

— Я тогда спросила тебя, не пострадал ли кто-нибудь. Помнишь?

— Я не знала, что он внутри.

— Кто?

Она сжала губы.

— Этот мужчина. Я не знала.

Я положила газету на пол.

— А что ты знала?

Кира опустила на край кровати. Она выглядела младше своих двадцати шести лет, но я заставила себя не воспользоваться этим. Не броситься успокаивать, прежде чем услышу ответ.

— Я приехала за коробками. Папа сказал, утром склад закроют на проверку, надо забрать товар. Я думала, это на полчаса. Там была женщина.

— Какая?

— Не знаю. Тогда не знала. Она выходила со стороны задних ворот. Я видела ее со спины.

— И?

— Потом запахло. Я сначала подумала, что кто-то мусор жжет. Там за гаражами постоянно жгли. Я взяла еще две коробки, а когда вернулась к машине, уже был дым.

Она провела пальцем по шраму.

— Я дернула дверь. Металл был горячий.

Я смотрела на ее руку.

— Ты сказала, что это духовка.

— Да.

— И папа знал?

Кира кивнула.

— Я ему позвонила. Он сказал уезжать. Я вызвала пожарных. Потом он сказал, что там уже все вызвали, что я только напутая, если начну рассказывать. Что это не мой участок и не мой товар.

— Ты назвала свое имя?

— Нет.

— Почему?

— Потому что испугалась.

Она сказала это без попытки сделать страх благородным. Я впервые за вечер услышала от нее что-то, чему могла поверить целиком.

Мой телефон завибрировал. Олег прислал сообщение: «Не мучай Киру. Она не должна отвечать за меня».

Я показала дочери экран.

— Он сейчас с тобой переписывается?

Кира опустила глаза.

— Он спрашивал, дома ли мы.

— И ты сказала, что я нашла газету?

— Нет. Я сказала, что ты вспомнила склад.

Мне захотелось отнять у нее телефон. Не потому, что это имело смысл. Потому, что я вдруг увидела, как легко наши слова продолжают уходить к нему, даже когда мы думаем, что уже вышли из его разговора.

— Я не запрещаю тебе общаться с отцом, — сказала я. — Но то, что я говорю тебе, не нужно сразу передавать ему.

Она подняла голову.

— А ты не решай, что я предаю тебя каждый раз, когда отвечаю ему.

Мы смотрели друг на друга. Между нами стоял человек, которого в квартире не было.

Я первая отвела глаза.

— Ты права. Но я больше не буду подтверждать то, чего не видела.

Кира медленно кивнула.

— Я понимаю.

Я не была уверена, что она понимает. Не была уверена, что понимаю сама.

Позже позвонил Миронов. Он сообщил только то, что мог: с бабушкой установлена связь, ребенок под присмотром, сведения о матери уточняются. Попросил сохранить сообщения Олега и сообщить, если станет известно его местонахождение.

Я сказала, что муж звонил.

— Что сообщил?

— Что не может приехать. Где он — не сказал.

— Угрозы были?

Я посмотрела на телефон, на короткое «не мучай Киру».

— Прямых нет.

— Если появятся, сообщите. И не пытайтесь самостоятельно устраивать встречи, чтобы что-то выяснить. Сейчас важно не усложнять ситуацию.

Я хотела рассказать о ноябре. О том, что только что услышала. Но слова застряли.

— Есть еще что-то? — спросил Миронов.

— Да, — сказала я. — Но мне нужно понять, как правильно это изложить.

— Изложите то, что знаете лично. Не то, что предполагаете. Если речь о прежних объяснениях, вы вправе уточнить их. При необходимости получите юридическую консультацию.

Он не сказал: «Ничего страшного». Я была ему за это благодарна и одновременно злилась. Мне хотелось, чтобы кто-нибудь взрослый разрешил все исправить без цены.

После звонка я поставила чайник. Кира лежала на диване в гостиной, не раздеваясь, и смотрела в потолок. Я накрыла ее пледом. Она не притворилась спящей, но и не повернулась ко мне.

— Мама, — сказала она, когда я дошла до двери.

— Да?

— Ты ведь не думаешь, что я могла специально?

Я остановилась.

Раньше я ответила бы сразу. «Конечно нет». «Как ты можешь такое спрашивать». «Я же тебя знаю».

Теперь у меня была дочь, которая год скрывала ожог, и муж, который десять лет скрывал другую дочь. Знание человека перестало означать, что я знаю все его поступки.

— Я думаю, что ты испугалась, — сказала я. — А дальше мне нужно услышать правду.

Она повернулась лицом к спинке дивана.

В кухне я открыла рабочую тетрадь и на чистой странице написала дату пожара. Под ней — время звонка Киры, насколько помнила. Потом слова, которые сказала незнакомому сотруднику: «После девяти она была дома».

Я не добавила ни «я не знала», ни «мне сказали», ни «я хотела как лучше».

Без этих слов ложь занимала одну строку.

Глава 4. За второй дверью

Утром я по привычке налила кофе в две чашки.

Олег пил из высокой, без рисунка. Я поставила ее на стол и только потом поняла, что делаю. Вчера он не вернулся. Сегодня не собирался. Возможно, последние годы он пил по утрам из совсем другой чашки чаще, чем из этой.

Я вылила кофе. Не потому, что хотела совершить какой-то жест. Просто он был лишним.

Кира спала в гостиной. Телефон лежал у ее лица. Я увидела край переписки, но не стала брать аппарат. Вчера мне казалось, что я должна знать все немедленно. Утром я уже понимала: если начну добывать правду теми же способами, которыми Олег прятал ее, мы только помеемся местами.

В восемь позвонила Анна Витальевна. Сообщила, что бабушка Алисы приедет к полудню. Спросила, можно ли передать ей мой номер. Я согласилась.

— Алиса как?

— Устала. Спала плохо. Но с ней разговаривают, она не одна.

— Она спрашивала про меня?

Лукина ответила не сразу.

— Спрашивала, сердитесь ли вы на нее.

Я прислонилась к кухонной стене.

— Нет.

— Я так и сказала. Но лучше, если при встрече она услышит это от вас. Только без обещаний, которые сейчас нельзя проверить.

После звонка я открыла календарь. В девять должен был прийти мужчина с новым аппаратом, в десять — женщина, которой мешал шум улицы, потом две первичные консультации. Обычный рабочий день. У людей не стало меньше проблем оттого, что моя семья перестала помещаться в привычную картину.

Я написала администратору, что буду к девяти, но после одиннадцати должна уйти, и попросила перенести поздние записи к коллеге. Потом оделась, накрашила ресницы и посмотрела в зеркало.

Лицо не изменилось. Темные круги под глазами были знакомы по другим бессонным ночам. Шрам над бровью оставался той же светлой полоской. Мне почему-то казалось, что такая новость должна оставить видимый след, иначе окружающие будут продолжать спрашивать, удобно ли мне в четверг после обеда.

Кира вышла на кухню в моей старой футболке.

— Ты на работу?

— На пару часов.

— Ты можешь не идти.

— Не могу отменить все.

Она села на стул и посмотрела на пустое место, где обычно сидел Олег.

— Он писал ночью.

— Что?

— Что скоро все объяснит. И чтобы мы не разговаривали с Казаковым без него.

Я подняла голову.

— Казаков собирается с нами разговаривать?

— Не знаю.

— Тогда зачем он это написал?

Кира пожала плечами.

Я знала Леонида Казакова по двум корпоративным вечерам. Хорошо сшитый пиджак, мягкая манера перебивать, привычка помнить должности людей лучше, чем их имена. Олег представлял его как консультанта по сложным вопросам. На одном вечере Казаков полчаса объяснял мне, почему малому бизнесу вредно бояться риска. Я спросила, вкладывал ли он собственные деньги в предприятие, за которое отвечает лично. Он засмеялся и перевел разговор на вино.

— Если он позвонит, я сама решу, разговаривать или нет, — сказала я.

— Я просто передаю.

— Не нужно передавать мне папины распоряжения.

Кира отодвинула стул.

— Хорошо. Тогда не проси меня рассказывать, что он пишет.

Я поняла, что снова сделала разговор тесным и безвыходным. Либо дочь передает мне все, либо я обвиняю ее в том, что она передает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.